

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие
логичность мышления → логичность грамматики»
и его реализация
императивными грамматическими вариантами**

Попов С. Л. Когнитивно-эволюційний алгоритм «сприйняття → логічність мислення → логічність граматики» та його реалізація імперативними граматичними варіантами. У статті розглядається проблема співвідношення граматики і логіки. Вивчаються поняття абсолютності та відносності логічності мислення і граматики. З'ясовується когнітивна причина таких абсолютності і відносності. Визначається еволюційний вплив логічності мислення на логічність граматики. Наводяться приклади імперативних граматичних варіантів, що є свідченнями поступової логізації російської граматики. Фіксується когнітивно-еволюційний алгоритм «сприйняття → логічність мислення → логічність граматики».

Ключові слова: мислення, граматика, логіка, сприйняття, варіантність.

Попов С. Л. Когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики» и его реализация императивными грамматическими вариантами. В статье рассматривается проблема соотношения грамматики и логики. Изучаются понятия абсолютности и относительности логичности мышления и грамматики. Выясняется когнитивная причина таких абсолютности и относительности. Определяется эволюционирующее воздействие логичности мышления на логичность грамматики. Приводятся примеры императивных грамматических вариантов, свидетельствующие о постепенной логизации русской грамматики. Фиксируется когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики».

Ключевые слова: мышление, грамматика, логика, восприятие, вариантность.

Popov S. L. Cognitive and Evolutionary Algorithm «perception → consistency of thinking → consistency of grammar» and its implementation by imperative grammatical variants. The present paper is concerned with the issue of correlation between grammar and logic. The concepts of absoluteness and relativity of consistency of thinking and consistency of grammar are examined. This article specifies the cognitive reason of such relativity and absoluteness as well as evolutionary impact of the consistency of thinking on the consistency of grammar. The instances of imperative grammatical variants as evidence of gradual logicising of the Russian grammar are exemplified. The study proposes cognitive and evolutionary algorithm «perception → consistency of thinking → consistency of grammar».

Key words: thinking, grammar, logic, perception, variability.

Несложно заметить, что логичность мышления может быть относительной, поскольку ошибочные умозаключения — и в наше время не редкость. Однако ошибочность умозаключений не означает, что сам механизм рассуждения оказался не силлогизмом, как не означает, что возведенный на плавуне дом обрушился потому, что он строился не по правилам: не по правилам было выбрано место для его строительства (основание), но сам дом возводился согласно принятой логике строительства. Совершенно очевидно, что логичность какого-либо заключения зависит не от качества построения силлогизма, а от качества посылок, из которых это рассуждение исходит. Х. Б. Карри по этому поводу высказывается осторожно:

«Рассуждая, мы из некоторых исходных данных выводим заключения. Мы замечаем, что эти заключения иногда верны, а иногда нет, и что иногда (но не всегда) ошибочность заключений объясняется ошибочностью некоторых из наших исходных данных» [9:17]. Однако практика дает основания для более смелых выводов: дом падает потому, что не воспринят плавун в месте его строительства. Следовательно, даже при беглом взгляде на возможную причину относительной логичности чего-либо становится ясно, что эту причину следует искать в особенностях восприятия. Описание этих особенностей, а именно трех перцептивных степеней — восприятия синкретичного (СВ), поверхностного (ПВ) и альтернативного (АВ), — см. в [15:5–105].

Именно при АВ возможна абсолютная логичность мышления, в то время как при СВ и ПВ наблюдаются соответственно более и менее относительные логичности мышления.

Очевидно, относительность логичности мышления отражается и в семантике языка. Как известно, лингвистическая семантика отражает наивную картину мира: «...образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [2:5]. Именно поэтому, с отраженной в языке донаучной, наивной точки зрения, солнце, которое воспринимается как обращающееся вокруг Земли, каждый день *восходит, поднимается, достигает зенита, садится и заходит*, а не Земля обращается вокруг своей оси и вращается вокруг Солнца. Это пример несоответствия логики языка логике научной картины мира и доказательство относительности логичности языка. Однако относительность логичности мышления и языковых структур может эволюционировать до их абсолютности.

Целью настоящей статьи является определение и подтверждение действия когнитивного алгоритма логической эволюции грамматики.

Общим местом многих рассуждений о языке является констатация его развития (прогресса, эволюции), но эти явления редко называют логичными, еще реже видят в этом корреляцию с развитием мышления человека и не задумываются о восприятии как поставщике данных, которыми оно обеспечивает логику. Похоже, непризнание логической эволюции языка является следствием своего рода впадения в крайность, то есть следствием силы инерции, обусловленной той волной отторжения логики от грамматики, которая более ста лет назад смела лингвистический логицизм, преувеличенно отождествлявший логику и грамматику, настолько решительно и бесповоротно, что немногие исследования соотношения логики и грамматики, имевшие место в XX веке, сводятся к демонстрации различий между логическими и грамматическими понятиями.

Понятно, что логичность присуща прежде всего мышлению, а не грамматике [10:7; 19:7]. Поэтому логично считать, что именно логика может оказывать влияние на грамматику, а не наоборот. К этой мысли постепенно приходит все больше лингвистов. Позиция непризнания логичности грамматики постепенно смягчается. «Значение логической правильности мышления, подчеркнем еще раз, состоит в том, что она является необхо-

димым условием гарантированного получения истинных результатов в решении задач, возникающих в процессе познания» [4:27]. Из этого выводится, что успешность познания непосредственно зависит от логичности мышления, связанного с языком вообще и его грамматикой в частности. А. М. Пешковский, О. Есперсен, И.И. Мещанинов, В. З. Панфилов, К. Ажеж и А. Марти полагают, что отказ грамматике в логичности — это не более чем отказ от аристотелевского отождествления логики и грамматики, но никак не отказ от идеи некоего их изоморфизма [14:100; 8:57, 397; 12:9; 13:5–6; 1:144; 11:142–144]. У логики и грамматики существует общее, «сопоставительное» определение: «Под логикой подразумевается «строй (структура) естественного человеческого мышления», под грамматикой — «грамматический строй (структура) естественного человеческого языка» [19:5]. Из этого следует, что логика как строй мышления, данный человеку от рождения, и грамматика как строй языка, стихийно формирующийся у человека в первые годы жизни, имеют общее место расположения: это место — сознание человека [5:6]. Логику и грамматику сближают и применяемые в них механизмы абстрагирования и обобщения. На абстрактно-обобщающий характер грамматических значений обращали внимание многие лингвисты начиная с Ф. де Соссюра [21:170–172], поскольку именно в грамматике этот характер особенно заметен.

По мнению М.Н. Правдина, лингвистические направления логицизма, психологизма и структурализма «фактически снимают проблему соотношения логического строя мышления и грамматического строя языка (а вместе с тем и проблему логики и грамматики в целом)... При правильной постановке проблемы, очевидно, должна быть принята точка зрения, намеченная Аристотелем, т.е. речь должна идти о принципах взаимодействия логических и грамматических категорий, логического строя мышления и грамматического строя языка» [19:14–16]. Ни в коей мере не ставя перед собой задачу реанимировать не соответствующее реалиям отождествление логики и грамматики, считаем необходимым принять мысль М.Н. Правдина — но с уточнением необходимости изучения не взаимодействия логики и грамматики, а воздействия логики на грамматику, ибо вряд ли можно рассчитывать на то, что грамматика способна внести коррективы в универсальные логические законы и понятия. По нашему мнению, грамматика не может не испытывать на себе

влияние логики, что, вероятно, никогда не приведет грамматику к абсолютной логичности, но будет постоянно ее логизировать.

В подтверждение этого влияния приведем 16 типов императивных грамматических вариантов, различающихся как логичные современные и нелогичные устаревающие:

1. Словообразовательные варианты типа *хромсодержащий* — *хромосодержащий*. Сложные прилагательные с основой, состоящей из основ неодуш. существительного м. р. или любого существительного ж. р. на согласный и управляющего им причастия, без интерфикса и с интерфиксом [7:406–407]. Интерфикс между «словами», связанными управлением, малологичен.

2. Словообразовательные варианты типа *изготавливать* — *изготавливать*. Формы с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*), обладающие «ярко выраженным значением кратности», в силу узкой семантической специализации являются не столь коммуникативно востребованными, как более универсальные формы с суффиксом *-а-* (*-я-*), которые могут иметь значения и фактичности, и кратности. Поэтому узкоспециализированные формы с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*) логично выходят из употребления, а новые формы образуются по универсальной модели с суффиксом *-а-* (*-я-*), например *выявлять*, *утеплять*, *укреплять* [7:420–422].

3. Словообразовательные варианты двух типов: *мок* — *мокнул* и *промок* — *промокнул*. Такие формы прош. вр. бесприставочных глаголов НСВ на *-нуть*, как *мок*, употребляются всё чаще потому, что в формах типа *мокнул* суффикс *-ну-*, который в глаголах СВ имеет значение «мгновенности, однократности действия», отличается «функциональной ненагруженностью», из чего логически следует отсутствие потребности в таком семантически и стилистически «пустом» суффиксе в этих случаях [7:280–281]. Такие формы прош. вр. приставочных глаголов СВ на *-нуть*, как *промок*, употребляются всё чаще потому, что в формах типа *промокнул* значение СВ уже выражено префиксом, из чего логически следует отсутствие потребности в суффиксе, значение которого избыточно дублирует значение префикса.

4. Словообразовательные варианты двух типов: *мокнувший* — *мокий*, *мокнувши* — *мокиши*; *промокий* — *промокнувший*, *промокиши* — *промокнувши*. Причастия прош. вр. и деепричастия от бесприставочных глаголов с накоренным ударением, употребляемые с суффиксом *-ну-*, например *мокнувший*

и *мокнувши*, являются логичными современными по причине отсутствия префикса, которое позволяет сохранить среднюю длину русского слова в три слога (о средней длине русского слова и ее соотношении с требованием благозвучности русской речи — см. [6:160]); соответственно варианты, этому условию не удовлетворяющие, например *мокий* и *мокиши*, являются нелогичными устаревающими. Причастия прош. вр. и деепричастия от приставочных глаголов с накоренным ударением, употребляемые без суффикса *-ну-*, например *промокий*, *промокиши*, являются логичными современными по причине наличия префикса, которое обеспечивает среднюю длину русского слова в три слога, и по причине отсутствия потребности в суффиксе, значение которого избыточно дублирует значение префикса (см. в предыдущем типе о логичных современных вариантах типа *промок* и нелогичных устаревающих вариантах типа *промокнул*); соответственно, варианты, этому условию не удовлетворяющие, например *промокнувший* и *промокнувши*, являются нелогичными устаревающими.

5. Словообразовательные варианты двух типов: *увидев* — *увидя*, *увидевшись* — *увидясь*; *нахмури* — *нахмуря*, *нахмурились* — *нахмурясь*. Формы деепричастий СВ от продуктивных глаголов на *-еть(ся)* и *-ить(ся)* всё реже образуются с суффиксом *-я-*, поскольку современные носители языка, в отличие от своих предшественников, живших в XVIII–XIX веках, стихийно предпочитают логичный способ образования этих деепричастий с сохранением суффиксов глаголов — *-е-* или *-и-* — нелогичному способу их образования с несвойственным таким глаголам суффиксом *-я-*: от *увидеть* и *нахмурить* логичнее формы деепричастий *увидев* и *нахмури*, нежели *увидя* и *нахмуря*.

6. Морфологические варианты трех типов: *есть устриц* — *есть устрицы*, *изучать бацилл* — *изучать бациллы*, *воспринимать персонажа* — *воспринимать персонаж*. Колебания Р. и В. обусловлены неопределенностью витального статуса таких названий в сознании говорящих, но постепенно логично одушевляется все живое и все, напоминающее живых существ [7:47–49].

7. Морфологические варианты двух типов: *в Сватово* — *в Сватове*, *в Роцино* — *в Роцине*, *в Гродно* — *в Гродне*, *возле Яремче* — *возле Яремча*; *у Ивана Петренко* — *у Ивана Петренки*, *у Петра Самойло* — *у Петра Самойла*. Несклоняемые и склоняемые существительные — топонимы на *-ов(о)*,

-ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о), -о и -е; фамилии на -ко и -о, не совпадающие с именами нарицательными. Носители младшей нормы не склоняют эти номинации потому, что считают их неизменяемость удобной «с точки зрения точности» [22:513; 7:198–200, 217–220]. Очевидно, что несклонение таких названий позволяет избежать омонимии форм: в *Сватове* может быть понято как форма П. от И. *Сватово*, *Сватов* и *Сватова*; в *Роцине* — от И. *Роцино*, *Роцин* и *Роцина*; в *Гродне* — от И. *Гродно* и *Гродна*; возле *Яремча* — от И. *Яремче* и *Яремча*; у *Петренки* может быть понято как форма Р. от И. *Петренко* и *Петренка*; у *Самойла* — от И. *Самойло*, *Самойл* и *Самойла*. Такие омоформы могут рассматриваться как причина указанного стремления к точности, логично обуславливающего несклонение рассматриваемых номинаций [17].

8. Морфологические варианты двух типов: из *Камня-Каширского* — из *Камень-Каширского*, в *Потсдаме-Бабельсберге* — в *Потсдам-Бабельсберге*; в *Вильнёве-на-Берлюретте* — в *Вильнёв-на-Берлюретте*. Склоняемые и несклоняемые первые части сложносоставных топонимов «город-городской», «город-город» и «город-на-реке» различаются как логично дифференцированные и нелогично недифференцированные [7:204–205, 215].

9. Морфологические варианты четырех типов: у *Ивана Дурново* — у *Ивана Дурнова*, к доктору *Живаго* — к доктору *Живаге*, за *Андреем Черных* — за *Андреем Черныхом*, от *Саши Подопривороты* — от *Саши Подопривороты*. Фамилии типа *Дурново*, *Живаго* представляют собой застывшие формы Р. ед. ч., фамилии типа *Черных* — застывшие формы Р. мн. ч., а фамилии типа *Подопривороты* — застывшие формы В. мн. ч., управляемые переходным глаголом. Несмотря на то что эти формы являются застывшими и в первых двух типах имеют смещенное ударение, именно их формальная флективность не позволяет носителям языка к одной падежной флексии — застывшей, но в некоторой степени еще воспринимаемой — добавлять еще одну падежную флексию, создавая таким образом логическое противоречие двух флексий у одного существительного.

10. Морфологические варианты типа *сам факт* — *самый факт*, *само управление* — *самое управление*, *саму норму* — *самое норму*. Формы *сам* и *самый* не смешиваются, поскольку за формами В. *самый* постепенно закрепилось «значение превосходной степени (предельности меры)», а за формами В. *сам*,

само, *саму* — значение «уточнения места, времени, подчеркивания определенности объекта при неодушевленных существительных» (определяющее значение) [22:544; 20:150; 7:336–339; 3:175]. Форма ср. р. *самое* в определятельном значении логично выводится из употребления во избежание смешения ее с формой ср. р. *самое* в значении превосходной степени, а форма *самое* даже в составе фразеологизма логично перестает употребляться как противоречащая традиционной парадигме склонения адъективов ж. р.

11. Синтаксические варианты двух типов: *директор пришла* — *директор пришел*, *директор опытна* — *директор опытен*. Сочетания сказуемых — глаголов в форме прош. вр. и кратких прилагательных с подлежащими — существительными м. р., называющими лиц по роду деятельности, в применении к лицам женского пола. Координация в форме ж. р. при обозначении лиц женского пола логична [15:126].

12. Синтаксические варианты типа *английский и французский языки* — *английский и французский язык*, *этот и тот параграфы* — *этот и тот параграф*. Относящиеся к разным сущностям атрибутивы логично исчислять количеством больше одного — отсюда следует мн. ч. субстантива [15:127–129].

13. Синтаксические варианты типа *дикие гусь и утка* — *дикий гусь и утка*, *мои отец и мать* — *мой отец и мать*. Формы мн. и ед. ч. препозитивного атрибутива при однородных субстантивах. Поскольку субстантивов больше одного, логичной является форма мн. ч. атрибутива [15:127–129].

14. Синтаксические варианты типа *работают мастер и ученик* — *работает мастер и ученик*. Формы мн. и ед. ч. препозитивного сказуемого при однородных подлежащих. Поскольку подлежащих больше одного, логичной является форма мн. ч. сказуемого [15:119–121].

15. Синтаксические варианты типа *все, кто работает* — *все, кто работают*. Формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем — местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к определятельному местоимению *все* во всех его падежных формах. Кванторное *все*, состоящее из кванторных значений «каждый», предрасположенным к обозначению ед. ч. *кто* «видится» состоящим из *каждый* и потому логично требует от сказуемого формы ед. ч. [18; 15:122–125].

16. Синтаксические варианты типа *по нем*, *по нас*, *по вас* — *по нему*, *по нам*, *по вам*.

Формы П. и Д. личных местоимений *он, мы, вы*, управляемые предлогом *по*. Если местоимение замещает существительное, управляемое предлогом *по* в Д., то это местоимение логично тоже употреблять в Д. [16].

Во всех типах, кроме типа 8, логичность обуславливается преодолением ПВ. В типе 8 логичность обуславливается преодолением СВ. Эти примеры доказывают, что степень логично-

сти грамматики зависит от степени логичности мышления, которое в свою очередь зависит от степени восприятия. Схематически две эти зависимости могут быть представлены в виде когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики», функционирование которого является основным принципом когнитивно-лингвистической эволюции.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. — Вып. 28. — М. : ВИНТИ, 1986. — С. 5–33.
3. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с.
4. Войшвилло Е.К. Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс). Кн. I. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. — М. : Наука, 1994. — 312 с.
5. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. 8-е изд. — М. : Айрис -пресс, 2007. — 448 с.
7. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — 2-е изд., испр. и доп.. — М. : Наука, 2001. — 557 с.
8. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. — 2-е изд., стереотипное. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 408 с.
9. Карри Х. Б. Основания математической логики / Х.Б. Карри. — М. : Мир, 1969. — 567 с.
10. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 596 с.
11. Марти А. Об отношении грамматики и логики / А. Марти // Логос. — 2004. — № 1. — С. 138–168.
12. Мещанинов И. И. Соотношение логических и грамматических категорий / И. И. Мещанинов // Язык и мышление. — М. : Наука, 1967. — С. 7–16.
13. Панфилов В. З. Грамматика и логика (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / В.З. Панфилов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — 80 с.
14. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? / А. М. Пешковский // Пешковский А. М. Избранные труды. — М. : Учпедгиз, 1959. — С. 74-100.
15. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С. Л. Попов. — Харьков : НТМТ, 2013. — 150 с.
16. Попов С. Л. По ком звонил Колокол, и по кому он звонит все чаще: к вопросу о падежах местоимений в сочетаниях с предлогом *по* / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 798, серія «Філологія», вип. 53. — Харків, 2008. — С. 59.
17. Попов С. Л. Тенденции склоняемости географических названий, собственных и нарицательных имен, аббревиатур и составных слов в современном русском языке / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 3 (47). — Харьков, 2012. — С. 29–34.
18. Попов С. Л. Число сказуемого в вариантах типа *все, кто работает*— *все, кто работают* и *те, кто работает*— *те, кто работают*: семантический аспект / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. — № 727, серія «Філологія», вип. 47.— Харків, 2006. — С. 44–47.
19. Правдин М. Н. Логика и грамматика / М. Н. Правдин. — М. : Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1973. — 61 с.
20. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М. : Высш. школа, 1977. — 316 с.

21. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1977. — С. 31–273.

22. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Чернышев В. И. Избранные труды в 2-х т. — Т. 1. — М. : Просвещение, 1970. — С. 443–641.